

далеком от центра России провинциальном городе, каковым являлась Астрахань, было тесно связано с местным купечеством. Купцы обеспечили город театральными зданиями, поддерживали главным образом материально, были благодарными зрителями. Немаловажное значение имело то, что купечество из своей среды выделяет людей, которые посвящают себя искусству и зачастую добиваются успехов.

Библиографический список

1. *Астраханские* губернские ведомости. – 1858. – № 7.
2. *Астраханский* справочный листок. – 1866. – № 21.
3. *Астраханский* справочный листок. – 1866. – № 129.
4. *Астраханский* справочный листок. – 1867. – № 94.
5. *Астраханский* справочный листок. – 1867. – № 216.
6. *Астраханский* справочный листок. – 1867. – № 263.
7. *Астраханский* справочный листок. – 1869. – № 15.
8. *Астраханский* справочный листок. – 1871. – № 7.
9. *Астраханский* справочный листок. – 1885. – № 161.
10. *Абросимов, М.* Это было давно / М. Абросимов. – Астрахань, 1995.
11. *Брянцев, М. В.* Культура русского купечества. Воспитание и образование / М. Б. Брянцев. – Брянск : Курсив, 1999.
12. *Медведев, М. П.* Воспоминания / М. П. Медведев. – Л. : Академия, 1929.
13. *Ольдекоп, Ф. М.* Медико-топография города Астрахани и его ближайшей окрестности : медико-топографический сборник / Ф. М. Ольдекоп. – СПб., 1870.
14. *Скопин, Н. Г.* Записки дневные о делах и вещах достопамятных Протоиерея Николая Герасимовича Скопина / Н.Г. Скопин // Саратовский исторический сборник. – Т. 1. – Саратов, 1891.
15. *Штылько, А. Н.* Иллюстрированная Астрахань. Очерки прошлого и настоящего города, его достопримечательности и окрестности / А. Н. Штылько. – Саратов, 1896.

ФЕНОМЕН МАРГИНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ СРЕДНЕВЕКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А.Б. Истилеева¹
(Россия, г. Астрахань)

Статья посвящена проблеме образования образа маргинальной культуры. Маргинальность считается промежуточной категорией, для которой типичны вечность и внеструктурность. Средневековая европейская культура проанализирована через противопоставление элитной и массовой культуры. Маргинальность обнаружена на окраине элитной и массовой культуры, формирующих новый слой субкультуры. Маргинальная культура в Средневековье была связующим звеном дихотомических систем «элитная – массовая культура; культура большинства – культура меньшинства». Маргинальной культуре Восточно-европейского Средневековья присуща культура в себе. В то же время маргинальная культура занимает пограничную зону между элитной и массовой культурой.

Ключевые слова: маргинальность, маргинальная культура, средневековая европейская культура, элитарная средневековая культура, массовая средневековая культура, маргинальные субкультуры, периферия, внеструктурность.

The article is devoted to the problem of formation of an integral image of marginal culture. Marginality is considered as an intermediate category, for which timelessness and structurelessness are typical. Medieval European culture is analyzed through opposition of elitist and mass culture. Marginality is discovered on the outskirts of elitist and mass cul-

¹ Работа выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. проект АГУ 02.740.11.0593 «Проблемы сохранения культурного наследия в полиэтничном регионе».

ture, forming a new layer of subculture. Marginal culture in the Middle Ages is a connecting-link of dichotomous system "elitist – mass culture; culture of majority – culture of minority". Marginal culture of West-European Middle Ages is immanent to the culture itself. Its inside structure flows together with outside characteristics of the Middle Ages. At the same time marginal culture is based on the outskirts. It occupies a border-line zone between elitist and mass culture.

Key words: *marginality, marginal culture, Medieval European culture, elitist medieval culture, mass medieval culture, marginal subculture, periphery, structurelessness.*

В современном проблемном поле науке существует множество подходов, дающих различные трактовки категории маргинальности и маргинальной культуры. Изучение этого феномена в настоящее время является актуальным как на общефилософском, так и на историко-культурном уровнях. В философии утвердился дискурс антиномичного понимания культуры. Проблемы философской рефлексии выявляются в контексте идеи кризиса культуры. В связи с этим, понимание культуры фокусируется на участках социальной периферии и маргинальности. Философское понимание маргинальности на рубеже XX–XXI вв. значительно трансформировалось и расширилось. В рамках современного философского дискурса сформировалась предельно широкая трактовка феномена маргинальности. Такая интерпретация маргинальности позволяет выявлять новые аспекты и грани при ее исследовании и анализе. В данной статье мы попытаемся определить статус маргинальной культуры в западноевропейском средневековье через антиномию официальной и народной средневековой культуры.

При исследовании средневековой европейской культуры нередко встает проблема формирования целостного образа культуры, а также взаимодействия ее основных уровней. В отечественной историко-философской литературе последних десятилетий происходит своего рода ренессанс средневековых исследований. Такое динамичное развитие российской философской медиэвистики задает стратегию изучения не столько общих традиционных проблем средневековой мысли, которые достаточно подробно и последовательно эксплицированы в научной литературе, сколько более конкретной тематики, представляющей разнообразие специфических диспозиций и дифференций схоластического дискурса. В этой связи проблема выявления и определения маргинальной культуры становится актуальной.

Сложность при изучении европейского средневековья заключается в огромном многообразии источников и точек зрения при определении культурной доминанты, установлении хронологических рамок и определении маргинальной культуры в исследуемом периоде. Типологическое единство средневековой культуры на всем европейском географическом пространстве и на протяжении тысячелетия средних веков с V по XV вв. определялось такими отличительными особенностями, как религиозно-христианская духовность, корпоративность, традиционализм и символизм, иерархизм и универсализм. Многообразие средневековой культуры заключается в тех сословных, региональных и хронологических особенностях, в которых проявлялись данные отличительные черты. Все это привело к тому, что культурная картина мира Западноевропейского Средневековья является многосоставной и многоуровневой.

Эта культура явилась уникальным периодом качественного перехода от античности к Новому времени. Являясь, с одной стороны, официально-религиозной, она выявила свою противоречивость через противостояние официального и народного начал. «Данной культуре в целом присуща двойственность («амбивалентность») как неотъемлемая черта средневековой картины мира, сознания в человека традиционного аграрного общества. Для этого сознания была характерна слабая отчужденность познающего субъекта (человека) и познаваемого объекта (природа, вселенная, божество). Отсюда склонность к «удвоению мира», его телесности и космичности одновременно» [3, с. 212]. Однако сама структура средневековой культуры не является монологичной. Наряду с официальной культурой выявляется народная, неофициальная культура. Таким образом, можно говорить о наличии антиномий в структуре данной культуры.

Первым в отечественной и мировой науке, кто противопоставил официальную и народную культуры, изучил ее смеховые формы, был М.М. Бахтин. Он обратил внимание

на своеобразную двойственность культуры. «В период Средневековья и Ренессанса такая культура оформляется в особую обрядово-зрелищную карнавальную форму. Особенностью карнавала было то, что он выступал «как бы реальной (но временной) формой самой жизни, которую не просто разыгрывали, в которой жили почти на самом деле (на срок карнавала)... Реальная форма жизни является здесь одновременно и возрожденной идеальной формой... Итак, в карнавале сама жизнь играет, а игра на время становится самой жизнью» [1, с. 12]. Эта проблема противоборства официальной, строгой, ученой культуры средневековья и культуры неофициальной, народной. «Между тем и объем, и значение этой культуры в средние века и в эпоху Возрождения были огромными. Целый необозримый мир смеховых форм и проявлений противостоял официальной и серьезной (по своему тону) культуре церковного и феодального средневековья. При всем разнообразии этих форм и проявлений площадные празднества карнавального типа, отдельные смеховые обряды и культы, шуты и дураки, великаны, карлики и уроды, скоморохи разного рода и ранга, огромная и многообразная пародийная литература и многое другое все они, эти формы, обладают единым стилем и являются частями и частями единой и целостной народно-смеховой, карнавальной культуры» [1, с. 4]. Противостояние двух начал в средневековой культуре показывает, тем самым, ее противоречивость и неоднозначность. М.М. Бахтин через анализ смеховых форм, не только выявил антиномию культуры в противопоставление официального и народного начал, а определил смех как универсальную средневековую категорию. Показав миросозерцательную принципиальную важность народно-смеховой культуры, М.М. Бахтин раскрыл новый ракурс рассмотрения культуры вообще – ее «философского тела», «телесного низа» [4, с. 211–212]. Он обратился к уникальному и типичному моменту перерождения средневековой культуры в инобытие. При этом предметом его анализа явилась средневековая европейская культура, выраженная в иных типах и формах. Таким образом, теория карнавальной культуры М.М. Бахтина стала мощным стимулом не только к исследованию народной, неофициальной культуры и ее смехового начала, но и исследованиям полиморфности всей средневековой европейской культуры.

Одним из исследователей народной культуры средневековья и оппонентом М.М. Бахтина явился А.Я. Гуревич. Опираясь на исследования М.М. Бахтина и споря иногда с его выводами, Гуревич определяет концептуальную форму – форму преобразования предопределений средневековой культуры в ее целостное определение: в понятии гротеска, в системе понятий, анализирующих средневековый гротеск. Он определил имманентную диалогичность (диалог-конфликт) народной и официальной культуры. Карнавал и гротеск отрицали культуру официальной иерархии, но они имели ее внутри себя. «В карнавале средневековый человек преодолевал свой страх перед космическим и социальным миром, карнавал давал психологическую разрядку для человека, чья повседневная жизнь находилась под давлением сил, совладать с которыми было его неуспешной заботой» [4, с. 231]. А.Я. Гуревич связал противоположные понятия смеха и смерти и считал, что только при помощи смеха средневековый человек и мог взглянуть в глаза смерти и ее носителей. «Противоречивое взаимодействие обеих культурных традиций, народной и официальной, их диалог-конфликт, отталкивание и притяжение, были стимулом движения средневековой культуры в целом как диалектической системы» [5, с. 16].

Таким образом, и А.Я. Гуревич определил средневековую культуру как борьбу двух начал в культуре: официального и народного. Он выделил в качестве значимой культурной категории – смех. И определял, что смеховое начало народной культуры лежало на уровне мироощущения, общественной психологии, тогда как официальная идеология фиксировала общественные идеи, идеологию, мировоззрение. Вслед за многими другими историками А.Я. Гуревич выделяет целый ряд структурных элементов, констант, которые и характеризуют относительно устойчивые коллективные представления, то есть исторически конкретные формы ментальностей. К их числу относятся следующие структурные формы: восприятие пространства и времени, отношение земного мира с миром потусторонним, и, соответственно, восприятие и переживание смерти, разграничение естественного и сверхъестественного, духа и материи, установки, относящиеся к осмыслению детства, старости, отношение к природе и общественной жизни, труду, собствен-

ности, богатству и бедности, оценки права и обычая и их роли в жизни общества, понимание власти, господства и подчинения и др. [3, с. 83]. Тем самым, видение мира, данное в коллективных представлениях, непосредственно коррелируется с бесконечным многообразием деятельностных, поведенческих систем и подсистем, а объектом культуры становятся не одни только элитарные формы культуры, не одни только «идеологии», не одно только профессиональное духовное творчество.

Характеризуя средневековую культуру, А.Я. Гуревич говорит о том, что «культура эта необычна и непривычна. Необычность ее – в странности сочетания, единства полярных противоположностей, сублимированного и низменного, небесного и земного, спиритуального и грубо телесного, мрачного и комичного, жизни и смерти. Святость может выступать как сплав возвышенного благочестия и примитивной магии, предельного самоотречения и сознания избранности, бескорыстия и алчности, милосердия и жестокости. Теолог утверждает богоустановленную иерархию – для того, чтобы тут же обречь на вечную гибель стоящих у ее вершины и возвысить подпирающих ее основание. Прославляют ученость и презрительно взирают на невежественных «идиотов» – и в то же время вернейшим путем, который ведет к спасению души, считается неразумие, нищета духа, а то и вовсе безумие. Смерть и жизнь, экстремальные противоположности в любой системе миропонимания, оказываются обратимыми, а граница между ними – проницаемой; мертвые возвращаются к живым, и люди умирают лишь на время» [5, с. 84]. Выделение в культуре двух начал, определение всей культуры через дихотомию говорит об антиномичности средневековой культуры. Согласно А.Я. Гуревичу, парадокс средневековой культуры порождается пересечением народной культуры с культурой «ученых», образованных людей взаимодействием с официальной церковной доктриной.

В качестве импульса маргинальности выступает христианство, которое создает для личности противоречивую ситуацию. С одной стороны, человек провозглашается подобным Богу – своему творцу. А.Я. Гуревич утверждает, что в средние века «наблюдается переход от теории, согласно которой люди созданы вместо падших ангелов и должны занять их место, к концепции о самодостаточном достоинстве человека, сотворенного ради него самого» [3, с. 306–307]. С другой стороны, человек – раб божий, служение богу не унижает, а, наоборот, возвышает, спасает человека. Однако служение требует смирения и подавления личных устремлений.

Согласно характеристике историка и медиевиста Ж. Ле Гоффа, Средневековье – это маргинальная эпоха. «Чувство неуверенности – вот что влияло на умы и души людей Средневековья и определяло их поведение. Неуверенность в материальной обеспеченности и неуверенность духовная... ментальность, эмоции, поведение формировались в первую очередь в связи с потребностью в самоуспокоении» [7, с. 302]. Таким образом, он подчеркивает принадлежность отдельных индивидов к маргинальным личностям. В исследовании «Интеллектуалы в Средние века» [6, с. 512] Ж. Ле Гофф характеризует становление интеллектуальной жизни и выделяет группу клириков-голиардов как явно принадлежащих к маргинальным личностям, которые были исключены из социальной действительности. Их называли «бродягами, развратниками, фиглярами, шутами. Одни изображали их как богему, псевдостудентов, глядя на них, то с известным умилением (пусть молодежь переберется!), то с опаской и презрением (смутьяны, нарушители порядка, разве они не опасны?). Другие, наоборот, видят в них своего рода городскую интеллигенцию, революционную среду, открытую всем формам явной оппозиции феодализму» [6, с. 22]. Голиарды сформировали среду, где охотно критиковали общество с его институтами. Будь они городского, крестьянского или даже дворянского происхождения, голиарды являлись, прежде всего, странниками, типичными представителями той эпохи, когда демографический рост, пробуждение торговли, строительство городов подрывали феодальные структуры и выбрасывали на дороги, собирали на перекрестках (которыми и были города) всякого рода деклассированных, нищих. «Чтобы заработать себе на жизнь, они иной раз делали циркачами и шутами. Но следует помнить, что слово "жонглер", в ту эпоху было эпитетом для всех тех, кого находили опасным, кого хотели выбросить за пределы общества» [6, с. 22]. Голиардам принадлежала хотя и не магистральная, но, тем не менее, важная роль в развитии интеллектуального движения. У этих бедных школяров

не было ни постоянного жилья, ни доходного места, ни бенефиция, а потому они пускались в интеллектуальные авантюры, следовали за приглянувшимся им учителем, сбегались к знаменитостям, переноса из города в город полученное образование. Они формируют костяк школьного бродяжничества, свойственного XII в., привносят в него дух авантюры, импульсивности, дерзости. Но они не составляют какого-то класса, поскольку разнятся своим происхождением, и имеют различные притязания. Таким образом, Ж. Ле Гофф на конкретных исторических примерах вычерчивает круг маргинальной культуры, но не определяет ее статус.

Таким образом, в соикультурном пространстве западноевропейского средневековья мы обнаруживаем типичные черты маргинальной культуры через характеристику всей средневековой культуры.

Для культуры исследуемого периода была характерна идея общего сознания нерасчлененности мира людей и мира природы. «Без группы индивид не воспринимался как самоценность, он просто не мог представлять собой личность. Нарушители регламентов и кодексов осуждались морально и изгонялись из групп. Не оригинальность, не отличие от других, но, напротив, деятельное максимальное включение в социальную группу, корпорацию, в богоустановленный порядок, *ordo* – такова общественная доблесть, требовавшаяся от индивида» [3, с. 158]. Кроме того, и сам индивид не был еще строго вычленен из социальной группы (рода, семьи, общины), не мыслил себя отдельно от группы, будучи растворенным в ней, а его личный статус был статусом группы.

В работе «Категории средневековой культуры» А.Я. Гуревич выделил из сплошной ткани средневековой культуры несколько основополагающих элементов миропонимания людей той эпохи, их духовного «универсума». Это категории времени и пространства, права, труда, собственности и богатства. Средневековое мировоззрение было проанализировано ученым в его категориальной расчлененности. В данной работе рамках конкретной культуры он проследил функционирование универсальных философских понятий.

Дуализм средневековых представлений, резко расчленивший мир на полярные пары противоположностей, группировал эти противостоящие одна другой категории по вертикальной оси: небесное противостоит земному, Бог – дьяволу, хозяину преисподней, понятие верха сочетается с понятием благородства, тогда как понятие низа имело оттенок неблагородства, грубости, нечистоты, зла. Ментальная модель в это время охватывала одновременно видение мира, свойственное воинам, и вместе с тем предполагала упрощенный дуализм, оппозицию двух противоположностей. Вся духовная жизнь людей Средневековья концентрировалась вокруг противостояния добра и зла, добродетелей и пороков, души и тела.

Понятие свободы зависело от того, какими правами обладал ее носитель. Здесь включалась не только экономическая, но и политическая, социально-правовая сторона. Относительность свободы ярко проявляется при характеристике маргинальных групп. Еврей-ростовщик, был, несомненно, богат. Но был ли он свободен? Ведьмой могла стать любая состоятельная женщина. Но была ли она защищена от суда Церкви? Однако не свобода и зависимость, а служба и верность являлись центральными категориями в системе социально-политических и морально-религиозных ценностей средневекового христианства. Церковь эксплуатировала типичное для суеверного, невежественного «простака» чувство страха. Для людей, в сознании которых были смешаны ценности двух эпох, страх, с одной стороны, парализовал общество, а с другой, побуждал их к ужасающим действиям. Именно культура Средневековья породила «пляску смерти», театральность публичных наказаний. «В Средневековом обществе все стороны жизни выставлялись на показ кичливо и грубо. Прокаженные вертели свои трещотки и собирались в процессии, нищие вопили на паперти, обнажая свое убожество и уродство. Чувство неуверенности, постоянный страх, всякий раз вынуждавший во время кризисов умолять власти о применении жестоких мер в Средневековье, превратились в хроническое явление» [7, с. 274]. Общество требовало не просто оградить себя от себе неподобных, но и принести их в жертву ради искупления своей греховности.

Маргинальная культура, таким образом, находится между официальной и народной, так как расположена на окраинах этих культур. В средневековом европейском пространстве она становится культурформирующим смысловым полем для всей культуры в целом, рефлектируясь и в верхах, и в низах данной иерархии. Маргинальная культура формируется посредством следующих состояний:

- 1) отказ от прежней культурной структуры;
- 2) отделение субкультуры, выход ее за границу социального слоя;
- 3) формирование и образование новой структуры.

Маргинальная культура Средневековья явилась показателем сложного функционирования и образования новой культурной системы. Неприятие средневековым обществом отдельных маргинальных субкультур повлекло за собой подчас переоценку всей системы ценностей и изменение культурной доминанты (переход от средневековья к новому времени). При этом маргинальность – одна из составляющих средневековой европейской культуры. Маргинальная культура в средневековье выявляется в качестве связующего элемента дихотомической системы «элитарная – массовая; культура большинства – культура меньшинства». При этом и элитарная, и массовая культуры внутри себя распадаются еще на две подсистемы. Между ними возникает маргинальная культура. Этот тип культуры указывает на открытость и незавершенность средневековой системы и в то же время определяет ее способность к изменениям, к новации. Элитарная культура средневековья характеризуется в большей степени принадлежностью к элите, учитывается высокий социальный статус. Однако ни положение в обществе, ни королевская родословная не имеют значения по отношению к умалишенным, незаконнорожденным особам королевских семей. В истории средневековой Европы есть немало примеров презрительного отношения к себе неподобным. Этим людям оттесняли на периферию социального пространства, нередко по отношению к ним применялись и юридические санкции, вплоть до сожжения на костре святой инквизиции. Достаточно вспомнить знаменитый суд над орденом тамплиеров, обвиненных в содомии и в отречении от Христа. Таким образом, в элитарной культуре высвечивается маргинальная культура, на которую большое влияние оказывает народная, массовая культура. Нередко массы наделяли различными оскорбительными прозвищами королевских особ, нещадно высмеивая их физический или душевный недостаток. Никакие предписания и санкции не могли подавить это явление. Именно этот фактор нередко оказывался решающим при отнесении некоторых особ в разряд «презренных».

Массовая низовая культура также распадается на элитарную и массовую. Главным критерием выделения элиты в массе, на наш взгляд, является уровень образованности и интеллектуальности. Один из современных историков и культурологов К. Гинзбург в работе «Сыр и Черви» [2, с. 272] проанализировал судьбу мельника Меноккио, который на допросах инквизиции показал блестящее знание и Библии, и других апокрифических текстов. Сам Меноккио был сожжен на костре за фантазмогоричную космологию и критику Библии. Однако он был далеко не единственным представителем интеллектуальной элиты в массе. Хотя их было немного, и они относились к маргиналам. Возможно, именно такие личности и определили в дальнейшем переход к Реформации.

Отдельный пласт в маргинальной культуре составили принадлежащие к «бесчестным» профессиям, этно-религиозные, физически иные и демонизированные. Но и они не столько сформировали новый уровень культуры, сколько вобрали в себя элементы и элитарной, и массовой культуры. Эти маргинальные субкультуры наиболее выделяемы и дифференцируемы в средневековом пространстве.

Таким образом, маргинальная культура предстает в качестве пограничной между элитарной и массовой культурами. Формируя целостный образ средневековой культуры, необходимо указать на диалектическое начало, которое и позволило определить статус маргинальности как связующего и разъединяющего звена в этой системе.

При исследовании маргинальной культуры необходимо выделить и принципиальную значимость анализа всего периода. Это является важным в связи с тем, что рассматривать средневековую культуру необходимо со всех точек зрения. Иначе картина мира будет неполной и недостоверной. «Мироощущение, видение мира человека аграрного по

своей природе общества изменялось несравненно медленнее, нежели культура людей образованных, – оно изменялось, но ритмы изменений были совершенно иными. Создается впечатление, что динамика "верхушечных", элитарных форм духовной жизни намного опережала перемены "в глубине". Картина мира средневекового человека не была монолитной, – она дифференцировалась в зависимости от положения того или иного слоя общества» [3, с. 122]. Таким образом, изучение культуры «безмолвствующего большинства» необходимо как для реконструкции картины мира, так и в выявлении противостояния культуре официальной, то есть элитарной. Этот тип культуры можно обозначить как массовую демократическую культуру.

Таким образом, Средневековье – это тип культуры, который базируется на христианско-языческой и римско-варварской традициях. Средневековье однозначно невозможно «втиснуть» в какую-либо структуру. Этот тип культуры амбивалентен, диахроничен и неоднозначен в трактовке. Вся средневековая культура несет на себе отпечаток «инаковости» по отношению к последующим периодам в развитии культуры. Вся средневековая культура по отношению к последующим периодам является маргинализированной. Пограничность и периферийность являются неотъемлемой чертой культуры в процессе ее эволюции.

Можно выделить основные качественные характеристики маргинальной культуры:

- 1) вневременность (невозможность отнести к определенному историческому этапу в Средневековье);
- 2) внеструктурность (маргинальность в средневековье характеризуется отсутствием границ).

На формирование данной культуры большое влияние оказали внешние факторы: экономические, политические и религиозные. Специфическим своеобразием стало не столько пограничное состояние отдельных индивидов, сколько механизмы вытеснения целых субкультур. Именно этот факт позволяет говорить о феномене маргинальной культуры в средневековой Европе.

Таким образом, маргинальная культура западноевропейского средневековья имманентна самой культуре. Ее внутренняя структура сливается с внешними характеристиками. При этом маргинальная культура базируется на окраинах. Она занимает пограничную зону между элитарной и массовой культурами. Именно маргинальная культура формирует целостный образ типа средневековой культуры. Одной из ее качественных характеристик становится вневременная и внеструктурная маргинальность. Наличие в средневековом европейском пространстве маргинальных субкультур указывает на маргинальное начало, соединяющее всю средневековую культуру. Через формирование отношений к иным происходит смена стереотипов, мировоззрения и переход к новой культурной системе.

Средневековье – это тип культуры, который базируется на христианско-языческой и римско-варварской традициях. Его однозначно невозможно «втиснуть» в какую-либо структуру. Этот тип культуры амбивалентен, диахроничен и неоднозначен в трактовке. Вся средневековая культура несет на себе отпечаток «инаковости» по отношению к последующим периодам в развитии культуры. Вся средневековая культура по отношению к последующим периодам является маргинализированной. Пограничность и периферийность являются неотъемлемой чертой культуры в процессе ее эволюции.

Библиографический список

1. *Бахтин, М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М., 1979. – 528 с.
2. *Гинзбург, К.* Сыр и черви / К. Гинзбург ; пер. с итал. Н. Л. Андреевой, М. Н. Архангельской. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2000. – 272 с.
3. *Гуревич, А. Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А. Я. Гуревич. – М. : ИГНИИ – ИНИОН, 1999. – 395 с.
4. *Гуревич, А. Я.* Смех в народной культуре средневековья / А. Я. Гуревич // Вопросы литературы. – 1966. – № 6. – С. 207–240.
5. *Гуревич, А. Я.* О новых проблемах изучения средневековой культуры / А. Я. Гуревич // Культура и искусство западноевропейского средневековья : сб. ст. – М., 1981. – С. 14–32.
6. *Ле Гофф, Ж.* Интеллектуалы в Средние века / Ж. Ле Гофф. – М. : Энигма, 1997. – 512 с.

7. Ле Гофф, Ж. Цивилизация Средневекового Запада / Ж. Ле Гофф ; пер. с фр. Ю. Л. Бес-
смертного. – М. : Прогресс, 1992. – 376 с.

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ИСКУССТВО В КУЛЬТУРЕ МОДЕРНИЗМА И ПОСТМОДЕРНИЗМА: ОБЩЕЕ И ЧАСТНОЕ

Д.Ф. Бульчева¹
(Россия, г. Астрахань)

Автор статьи сравнивает процессуальное искусство культуры модернизма и постмодернизма. Она отмечает общие характеристики перформанса модернизма и постмодернизма как расширение во времени, провокация, потрясение для аудитории, преимущество действий, жестов, связи с другими видами искусства. Автор наблюдает в деталях конкретные характеристики процессуального искусства модернизма и постмодернизма. Она подчеркивает возможности перехода одного вида искусства в другой и комбинацию их в Астраханском пространстве как в городе, изолированном от современного процесса искусства.

Ключевые слова: процессуальное искусство, перформанс, хэппенинг, модернизм, постмодернизм.

The author of the article compares process art of modernism and postmodernism culture. She notes general characteristics of modernism and postmodernism performance art as extension in time, provocation, shock for the audience, compellation to society, superiority of actions, gestures, connection of different kinds of art. The author observes in details particular characteristics of modernism and postmodernism process art and fixates them in the tables. Also she emphasizes the possibility of transition one kind of performance art to another and combination them in space of Astrakhan as a city isolated from contemporary art process.

Key words: process art, performance art, happening, modernism, postmodernism.

Культура модернизма служила благодатной почвой для появления нового языка искусства, новых форм самовыражения художника. В модернизме наиболее полно выразилась идея оригинальности: творцом мог считаться только тот, кто постоянно изобретал что-то свежее, не существовавшее прежде. Повторение тем, художественного почерка искусства прошлого, классической традиции соотносилось с прошедшими, изживающими себя веками жестокости, несправедливости, войн, порабощения, замкнутости на академизме. Рождение нового XX в. ассоциировалось с тем, что и культура в этом веке должна быть изменена, и старому в ней нет места, она должна быть современной, то есть модерновой. И каждый художник пытался построить этот новый мир посредством своего инновационного творчества, которое бы не опиралось на известные приемы, а действительно было бы воплощением современности и прокладывало путь будущему.

Именно в этот период, благодаря художественным экспериментам, появляются синкретичные виды и формы творчества. Изобразительное искусство сближается с театром, музыкой, поэзией, таким образом зарождается процессуальное искусство, которое в конце 1960-х гг. послужило основой для перформанса и хэппенинга.

Процессуальное искусство модернизма и постмодернизма обладают рядом общих черт, таких как:

- 1) развитие во времени;
- 2) провокационность, эпатаж;
- 3) социальность;

¹ Работа выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. проект АГУ 02.740.11.0593 «Проблемы сохранения культурного наследия в полиэтничном регионе».